

ЖУРНАЛ КОДОДИЛ

Год издания XV

Цена 40 коп.

№ 7 Москва, Март 1936
изд. газ. «Правда»

ЖАЖА

К 556
15

СТАЛИНСКАЯ ЖЕЛ. Д.

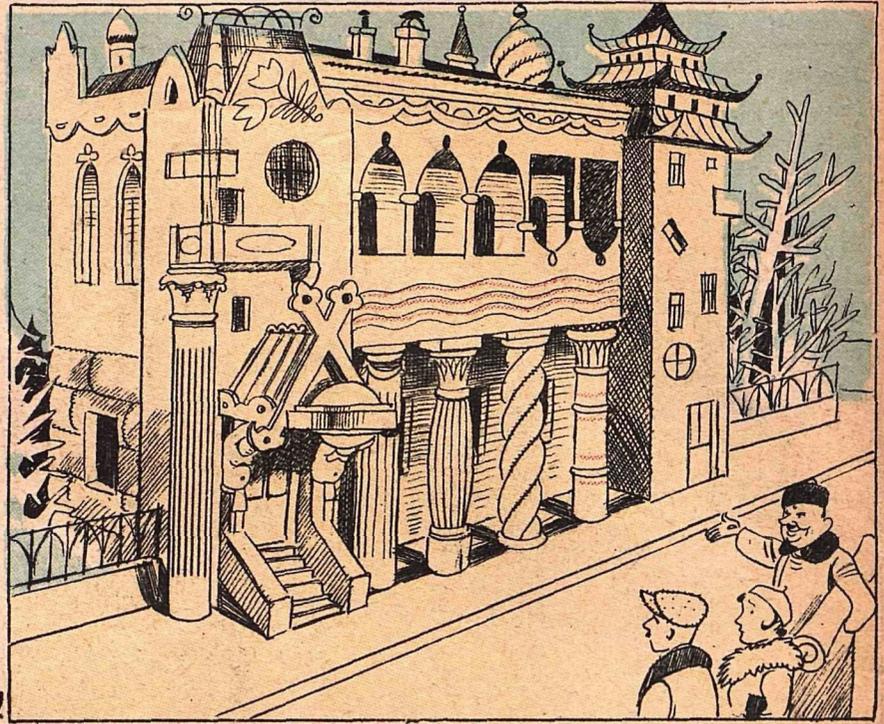
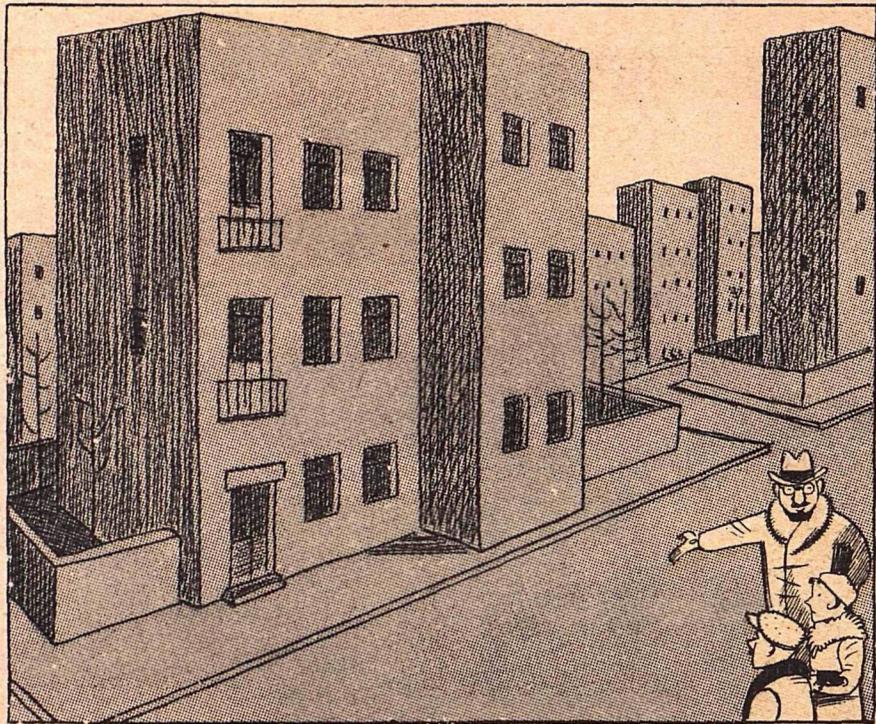
Рис. Л. Бродаты

КОНЕЦ ЕКАТЕРИНЫ

- А чего это гражданка скандалит?
- Груз пропал.
- А какой груз?
- Да обыкновенный—груз прошлого.

По ходатайству рабочих-стахановцев-красноносцев Екатеринбургской железной дороги она переименована в Сталинскую железную дорогу.

Рис. Ю. Ганфа

Совсем на-днях, после вдумчивого изучения стенограммы пред'ездовской дискуссии архитекторов, некоему гражданину Зыкину пришла в голову вполне созвучная эпохе, но все же несколько опрощившая мысль: поселиться в красивом и удобном доме.

— За последнее время наиболее красивые и удобные дома строю именно я, — сказал ему знакомый архитектор Пыщенко. — Я враг всяких этих изыществ и эстетик, ныне погибших под развалинами проклятого прошлого. Главное — простота. Возьмите, например, природу. Взяли? Великолепно. Вот, допустим, растет кочан капусты. Очень красивое зрелище. Станем ли мы раскрашивать его в голубой или сиреневый цвет? Не станем, ибо кочан прекрасен сам по себе, как символ строгости природы в огородном хозяйстве. Или возьмем жилище человека. Остановимся на самом цветущем периоде — пещерном веке. Посмотрите, какая четкость линий, какая чарующая простота в семейной пещере небогатого племени, украшенной всего лишь перевернутым камнем или лошадиным черепом у входа! Я за простоту. Нам еще рано иметь украшения. Жилище современного человека должно молчать. Оно стоит на страже. Оно грозит прошлому. Оно молчаливо в своей простоте.

И архитектор Пыщенко показал гражданину Зыкину спроектированный им дом (см. рис. 1).

— Действительно, простенький домик, — согласился Зыкин, — и очень хорошо, что он молчит. А то бы сейчас же стал привязываться, почему его сделали как модель разборной тары для копченой камбалы и другой некрупной рыбы. Не ручаюсь за другие периоды истории человечества, но сейчас он для жилья не подходит. Будьте здоровы.

И ушел, сразу вспомнив, что это, пожалуй, тот самый архитектор

Пыщенко, который разоблачен на дискуссии как гордый теоретик упрощенчества.

— Посмотрите на этот дом (см. рис. 2), — предложил Зыкину архитектор-эклектик Фулькин, — что он вам напоминает.

— Все, — вежливо согласился Зыкин.

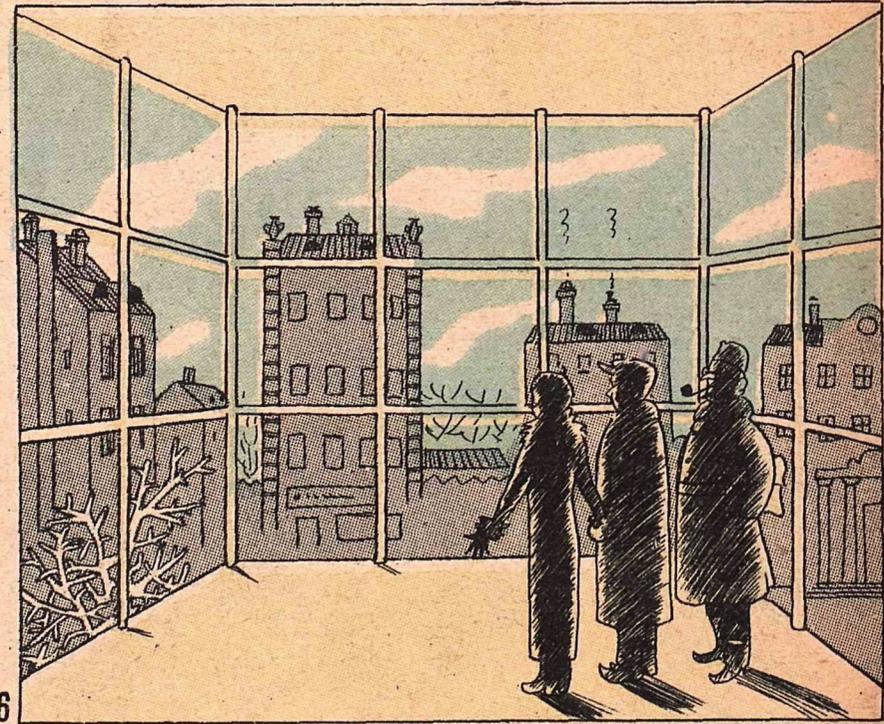
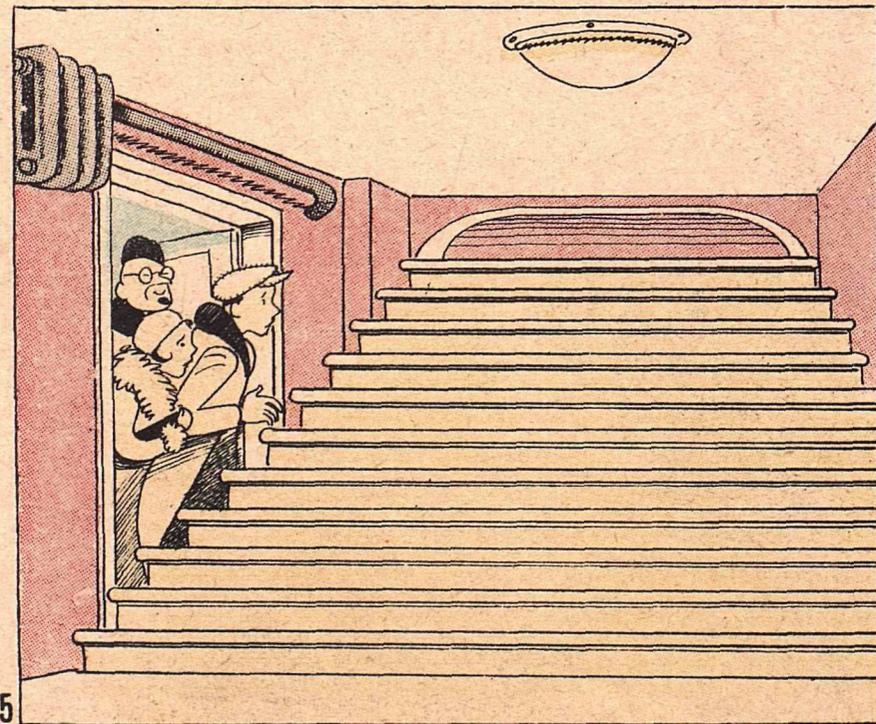
— Именно, — подхватил архитектор-эклектик Фулькин, — я сторонник теории: все стили в массы. И главное — сразу. Темпы, темпы в стилях! Зачем я буду на одной улице для одних трудящихся давать до-рийские колонны на другой улице для других членов профсоюза лепить славянских петушков, а организованных трудящихся в соседних переулках оставлять с одними египетскими обелисками? Нужно собрать все воедино. Нам уже поздно строить дом в одном стиле. Подлинный дом нашей эпохи — это гибрид из кургана кочевников, швейцарской лодочной станции и бани Иоанна Третьего. Плюс кой-какие колонны. Все стили сразу для всех квартироправладельцев. Довольно молчаливых домов проклятого прошлого. Дом нашей эпохи должен кричать. Вы чувствуете, как он кричит?

— Нет, — скромно ответил гражданин Зыкин, — это я кричу, а не он. А может быть, мы оба вместе. До свиданья.

Третий дом, который увидел за этот короткий промежуток времени Зыкин, был дом, выстроенный по проекту архитектора-формалиста Гульдеева (см. рис. 3).

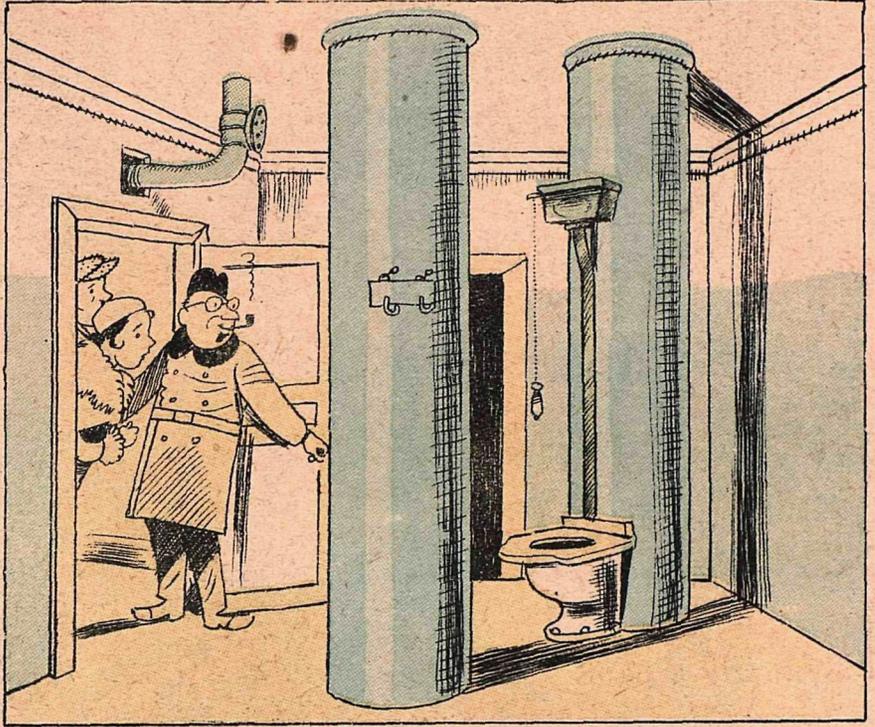
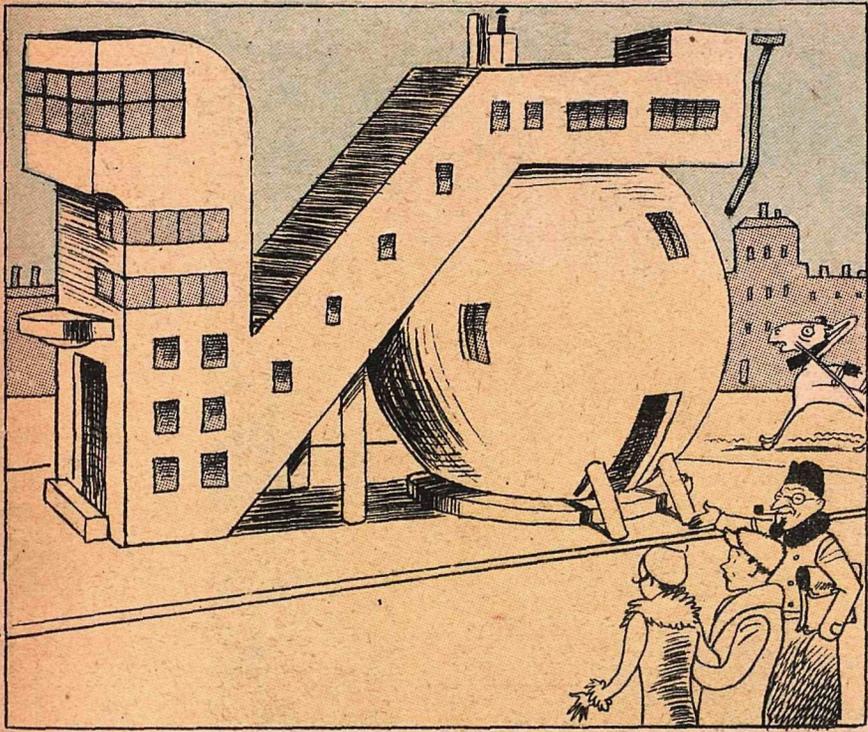
— Настоящий дом? — осторожно спросил Зыкин.

— Больше того. Будущий, — гордо ответил Гульдеев. — Все собственноручные линии и углы. Никаких заимствований из классической архитектуры. Индивидуальное творчество и кой-что из ихних законов равновесия. Пытался путем личной инициативы уложить фундамент

5

6

сверху, а крышу втиснуть вниз, но мешали отсталая техника и мещанские вкусы строителей. Исключительный фасад! Первый раз в этом городе и его окрестностях. Видели вы когда-нибудь такой домик?

— Нет, — простодушно сознался Зыкин. — Ввиду хорошего пищеварения никогда не страдал тревожными галлюцинациями. А он жилой?

— Почти, — сухо заметил архитектор Гульдеев. — Моя творческая мысль как-то обходила эту чисто обывательскую деталь домостроительства. Но, если вы так настаиваете, посмотрим.

— Здесь, в этой комнате, — сказал архитектор Гульдеев, — форма постройки несколько сузила содержание прихожей и уборной. Пришлось их слить в одно гармоничное целое, слегка украшенное двумя колоннами, из которых одна даже колонка (см. рис. 4). Неправда ли — оригинальный подход?

— Подход вместо входа — это оригинально, — мягко согласился Зыкин, — хотя и не так удачно... особенно если придут гости... Пойдем дальше.

— Здесь вы имеете типичное завершение стремительных линий фасада, — пояснил архитектор Гульдеев, — лестницу, уютно заменяющую мещанский кабинет и старорежимную спальню (см. рис. 5). Кто сказал, что обязательно надо есть за обывательским столом и спать на этом отвратительном наследии прошлого — кровати? Человек эпохи может есть на ступеньках. Это звучит красиво. И спать. Вы когда-нибудь спали на ступеньках?

— Один раз, в молодости, после встречи нового года, — сумрачно откликнулся Зыкин. — А почему бы лестницу не отвести на положенное ей место?

— Я сам чуть было не поддался этому упадническому настроению, но мешали шарообразные нижние этажи и запальчивые балконы. Рухнут.

— Эта комната — торжество оконного стекла (см. рис. 6). В ней вы растворяетесь в природе. Зимой вы ходите в шубе, летом — голый.

— Позвольте, — испугался Зыкин, — но ведь с улицы все же видно.

— Я не настаиваю. Можете ходить голый зимой, а летом в шубе.

— Здесь обаянию формы и смелости линий пришлось несколько уступить сухим теориям потолка и пола. Пришлось сделать красивый бросок: кинуть отопление вверх и освещение вниз (см. рис. 7). Зато в нижнем этаже для устойчивости и отопление и освещение соединены вместе. Отдельными плакатиками обозначено и то и другое, чтобы не спутать.

— Послушайте, — уже несколько встревоженно сказал Зыкин, — но в этом же доме нельзя жить!

— Подумаешь, нельзя, — усмехнулся формалист Гульдеев, — а зато какой фасад!

Вскоре после этого гражданин Зыкин сидел в своей прежней, несколько тесноватой, но довольно уютной комнате (см. рис. 8) и говорил жене:

— Не желаю жить ни в доме упрощенца, ни эклектика, ни формалиста. Когда же начнут строить настоящие, комфортабельные жилые дома?!

И его рассудительная жена, с которой мы вполне согласны, произнесла фразу не столько для мужа, сколько для нас, чтобы закончить это краткое пояснение:

— Погоди с'езда архитекторов: там все выяснится.

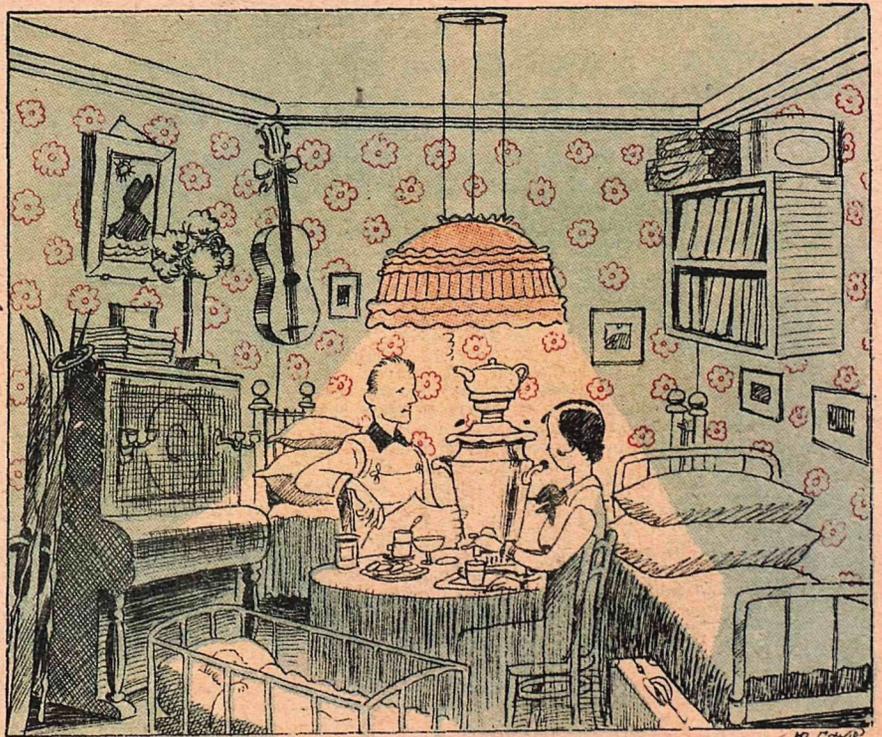
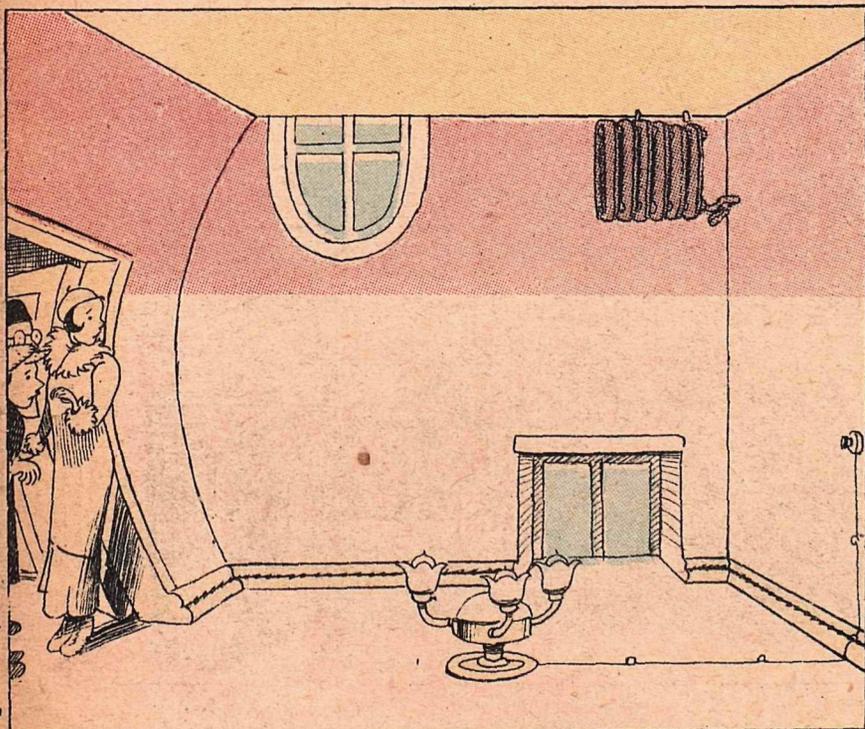

Рис. Л. Бродаты.

— А у нас в семье, фрау Марта, куда лучше с продуктами стало.
 — Дядюшка из Америки?
 — Нет. Племянник из СССР.

Р Я Д О М С П У Ш К И Н Ы М

И мы посетили кинотеатр на улице Воровского, который открылся в Москве последним, за что удачно назван «первым» находчивыми кинодеятелями. Как известно, это кинотеатр повышенного типа: в нем публика обязана оставлять верхнее платье в гардеробе и, кроме картины, зрителям предлагают музыкально-астральные номера.

И действительно, в зрительном зале публика сидит, не поднимая под себя шубы и демисезоны. Нет, она сидит нарядная и строгая, как в заправском театре. После фильма осуществлено было выступление джаз-оркестра «Вейнтрауб синкопаторс». Об этом джазе можно сказать, что он необыкновенно гуманно пользуется попавшими ему в руки инструментами. Обычные джазы среднего типа считают, что трубы, тромбоны и саксофоны вручены им со специальной целью оглушить тех несчастных, кто неосторожно попадает им при исполнении этими джазами своих музыкальных обязанностей. Нет, эти «синкопаторс» очень мило ведут себя, играют аккуратно и даже шутят со вкусом.

Наконец, действительно, после джаза показан был фильм «Дубровский». Постановка режиссера Ивановского, играют народные и заслуженные артисты, о коих речь ниже. Сюжет заимствован у Пушкина... Впрочем, нет: у Направника. Дело в том, что поэт Пушкин некогда действительно написал повесть «Дубровский». Но композитор Направник успел написать оперу на тему этой повести.

Когда же автор-режиссер Ивановский решил взять для кино этот же сюжет, он, видимо, долго колебался: что переложить на язык экрана? Повесть или оперу? И в конце концов остановился на опере. Вы не подумайте, однако, что в картину перенесена музыка Направника. Этого нет. Музыка там своя и хуже чем у Направника. Но общий тон фильма — чисто оперный. Все играют так напыщенно и с таким нажимом, что невольно распределяешь про себя:

— Этот вон помещик — типичный бас. Пусть он говорит тенором, — в душе он — бас. А девушка — колоратурное сопрано.

К середине фильма начинаешь еще соображать, что эта картина — экспортная. То есть не то, что она так уж хороша, что ею интересуется за граница. Нет, экспортная в том смысле, что у нас так изображать пушкинские веши нельзя: а на Западе, может быть, этого не поймут и как экзотику с'едят.

Какие мозоли на всех образах этой картины от длительного употребления в искусстве! Одна, например, няня молодого Дубровского чего стоит! Того и гляди она запоет:

— Ах, Таня, Таня, в наши годы
 Мы не слыхали про любовь!

Потом крепостной Дубровского, в котором прорезается есаул его будущей шайки, когда еще ничего не случилось. Как достигается такая нелепица? Очень просто: с первого своего показа этот человек придерживается одной позы — позы Пугачева, творящего суд на картине художника Перова. Тут уж и младенец поймет, что быть этому человеку главою разбойников. Недурны также и тачанки, на которых разезжают приверженцы Дубровского. Получается очень оригинальный Махно XIX столетия.

Потом красавица — дочка Троекурова. Ее кадры, кажется, снимал популярный фотограф Напельбаум. Потом костюмы. Бутафория. Потом диалоги, знакомые, как обои в собственной комнате. Потом...

Всего не перечтешь. Но все ясно. Слушали: о фильме «Дубровский», производства Ленфильм, автор-режиссер Ивановский. Постановили: ай-ай-ай, как нехорошо!

ИВАН ДИТЯ

Критик С. Манчуйский лежал на кровати, курил и горько жаловался на свою судьбу...

— Нам, критикам, хуже чем всем. Поэту—ничего, и прозаику—ничего, и драматургу—неплохо. А нам, критикам, хуже чем всем... Читателю—и то лучше... Нет хуже профессии критика. Мы должны не только прочесть то или иное произведение, но еще высказаться о нем: худо это или хорошо? А чорт его знает! Может быть, это плохо, а может быть, это хорошо. Мне откуда знать?... Что я бог, Пушкин? Я такой же человек, как и все.

На полу лежала только что прочитанная С. Манчуйским книга. Она называлась «Лопата». Если бы автор «Лопаты» был молодым писателем, Манчуйский знал бы, что написать. О молодых легко писать. Когда пишешь о молодых, в конце всегда надо вставить: «Мы надеемся, что следующая книга будет лучше, глубже и созвучней эпохе». Это безошибочно... Если бы автор «Лопаты» был незаметным писателем, — тоже понятно, как писать. Но вот как быть с автором «Лопаты»? Это не молодой и не незаметный, чорт бы его драл!..

Манчуйский снял телефонную трубку и соединился с критиком Абстрактнером:

— Здорово, Абстрактнер! Ну, как жизненка! Ничего! «Лопату» читал? Честно говоря, плохо... А по-твоему?

— И по-моему, плохо,—сознался Абстрактнер.

— Что же делать! Тебе-то ничего, а мне писать надо. Ты ничего не слыхал, что в народе говорят о романе?

— Разно в народе говорят... Ты не спеши писать, узнай хорошенько, что говорят... А то ты всегда спешишь, Манчуйский, — поучал Абстрактнер.

Манчуйский тяжело вздохнул и попрощался с Абстрактнером. Через несколько минут он звонил критику Гаснину. Этот критик был замечателен тем, что ни разу ни в чем не ошибался. Он умел так ловко писать свои критические статьи, что никто никогда не знал,—в том числе и он сам,—хвалит он или ругает. Гаснин был бородач, одинок, всем улыбался, но ни с кем не открывался...

— Гаснин? Говорит Манчуйский... Ну, как жизненка? «Лопату» читали?

— Как же, как же, — ответил солидно Гаснин.

— Ну и как?

— В общем ничего, но чего-то не хватает.

— А как по-вашему, чего не хватает?

— По-моему, не хватает того, что есть у классиков. Но зато в этой книге есть то, чего нет у классиков.

— Это верно, — согласился Манчуйский, ругая себя за то, что позвонил Гаснину... Все равно от этого дьявола ничего не узнаешь...—Вы правы,—сказал он ему на прощанье.—В этой книге есть то, чего нет у классиков, но у классиков нет того, что есть в этой книге.

«Кому бы еще позвонить? С кем посоветоваться?» — подумал Манчуйский. И позвонил критику Табуреткину. Этот критик был замечателен тем, что он о любом произведении с неподкупаемой искренностью говорил одно и с той же неподкупаемой искренностью писал совсем другое.

— Здорово, Табуреткин! Ну, как жизненка? — бодро спросил Манчуйский.—«Лопату» читал?

Табуреткин «Лопату» не читал, но сознаться в этом считал ниже своего достоинства и поэтому отвечал не менее бодро чем Манчуйский.

— Раньше твоего... В общем неплохо... но кое-где проскальзывает формализм.

— Формализм?... — удивился Манчуйский.— А мне казалось, что кое-где проскальзывает натурализм. Формализма я не заметил.

— Надо замечать, товарищ Манчуйский... — строго сказал Табуреткин.— Но, конечно, и натурализма хватает. Пожалуй, даже натурализма больше чем формализма. Это ты прав... Но в общем книга — явление положительное...

— А я думал, между нами говоря, что «Лопата» хоть явление и положительное, но читать скучно...

— Кто же говорит, что весело, — разозлился Табуреткин.— Конечно, не весело, но и не скучно. И откуда ты взял, что я сказал, что это — явление положительное?

— Ты только что сам сказал...

— Я этого не отрицаю... По сравнению с теми книгами, которые вышли за последнюю декаду, это, конечно, явление положительное... Вот в каком смысле я говорил... А ты уже, чорт знает, что готов мне приписать. Нехорошо, Манчуйский. Не по-товарищески.

И вновь Манчуйский остался один на один со своими мрачными думами. Он поднял с пола «Лопату». Это была увесистая, голстая книга. Ну что о ней писать? Возможно, в ней проскальзывает формализм, а может быть, натурализм? Чорт ее знает!.. В «Правде» о «Лопате» еще ничего не написали. В «Литературной газете» тоже. «Но тебе-то, Манчуйский, эта книга не нравится?... Ты читал эту книгу с удовольствием? Да что ты пристал ко мне! Стану я с тобой открывенничать! Нашел дурака! И без тебя тошно!..»

С. Манчуйский любил сам с собой разговаривать...

— Придется писать «страховку», — сказал он спокойней и отложил в сторону «Лопату».

«Страховка» на языке критиков — это значит писать так, чтобы и волки были сыты и овцы целы. Так писать, чтобы в случае чего никто не мог к тебе придраться.

— Ага! — накинется кто-нибудь. — Манчуйский не заметил в «Лопате» формализма...

— Спокойней! — скажет Манчуйский. — Прочтите внимательно мою статью, там есть про формализм.

— Ага! — кинется кто-нибудь другой. — Манчуйский не заметил в «Лопате» натурализма.

— Спокойней! — скажет С. Манчуйский. — Прочтите внимательно мою статью, там есть про натурализм. — И т. д. и т. д.

К «страховке» не придерешься. На всякий случай там все учтено. Там все есть, за исключением мнения самого критика.

А если кто-нибудь это заметит, то у Манчуйского и на это найдется ответ.

— Наш читатель настолько вырос, — скажет он, — что совсем не обязательно навязывать ему свое мнение. И кто так говорит, тот недооценивает читательского роста. — И т. д. и т. д.

В «страховке» все учтено...

Но, боже мой, как трудно быть критиком. Читателем — и то легче... А тут мало того, что надо прочесть книгу, но надо еще знать, хороша она или плоха? А чорт ее знает! Может быть, хороша, а может быть, плоха.

Б. ЛЕВИН

СЛАДКИЕ ПЛОДЫ

Ученье горько, но плоды его сладки.
Пословица.

Начнем прямо со слов, звучащих горькой и жуткой прозорливостью:

*Собаневич был авантюрист.
Он продавал мертвые души,
а это — достоинство трудящихся.*

Николай Васильевич Гоголь-Яновский явно скрыл от нас всю глубину этого антиобщественного поступка своего героя. Больше того, зарвавшийся писатель не потрудился даже разъяснить весь сатирический смысл своих фантастических повестей, а между тем:

*В „Вечерах на хуторе близ Диканьки“
Гоголь описывает ведьм, леших
и прочих безобразных личностей
того времени.*

Кем же и при каких условиях был раскрыт этот организованный обман трудящихся со стороны писателя-одиночки? Увы, он раскрыт очень недавно студентами последнего курса Азербайджанского нефтяного института, из экзаменационных сочинений которых по русской литературе мы и приводим, не без некоторого, вполне понятного волнения, эти цитаты.

Юные будущие мастера нефти оказались совершенно беспощадными к Гоголю.

Кроме уже упомянутых неточностей они выяснили, кто же на самом деле, без всяких скидок на слухи и предположения, являются подлинными героями «Мертвых душ», и с чисто академической точностью отвечают:

*Главные герои „Мертвых душ“:
Чичерин, Тяпкин, Ляпкин и
Коробушка.*

Не упомянув даже вскользь, та ли это Коробушка, которая до сих пор еще поется под гитару вместо музгизовских песен, юные бойцы с литературой попутно дополняют Гоголя еще двумя не менее ценными указаниями:

*Сад Плюшкина был завален
разными нечистяками, а в комна-
те воздух заражен всякими
противоядиями.*

Что делал в этом саду Плюшкин, нам известно по Гоголю, но насчет времяпрепровождения Манилова в своем саду юные дарования сообщают кое-что неожиданное и интригующее:

*В одном из углов сада находил-
ся кабинет Мечтаний, в котором
Манилов мечтал.*

Повидимому, для Манилова как для личности отрицательной экзаменующиеся студенты отвели столь неудобное место для мечтаний сознательно.

Но с Чеховым получилось несколько хуже. Здесь речь идет уже не об одиноком помещике-эксплуататоре, которого сам бог велит загнать для беспочвенных мечтаний в неподходящее место, а о целом крестьянстве. И тем не менее один из кандидатов на звание молодого советского специалиста вдохновенно пишет:

*Там как крестьяне Чехова были
бедны, то они были вынуждены
ходить в отхожие места.*

На этом молниеносный удар по Чехову заканчивается. Главные силы юной рати экзаменующихся повернулись лицом к Александру Сергеевичу Пушкину.

Обращение с ним, мы бы сказали, более снисходительное и почти фамильярное, чем вызывающее.

Евгений Онегин? Пожалуйста!

*Онегин был какой-то Джон-
Дуан, он был, конечно, молодой и
убластывал за Матвеем.*

Борис Годунов? Стоит ли останавливаться на этом классово подозрительном типе с мелкокарьеристскими устремлениями?

*Борис Годунов был помещик. Он
старался поступить на место царя.*

Пытался ли Александр Сергеевич Пушкин на этот предмет дать Борису Годунову рекомендательную записку с прежнего места службы, никто из экзаменующихся не указал. Хотя один из них тонко, но явно намекает на неизвестные еще доселе служебные взаимоотношения поэта с Петром Первым:

*Александр Сергеевич стоит все-
цело на рельсах Петра Первого
и всюду поддерживал его мнение
по основанию Петербурга.*

Это даже исторически красиво. Зал заседания. Петр Первый просит слова к порядку и, воспользовавшись замешательством председателя, говорит специально для стенографистки:

— А вот мы с Пушкиным решили один городишко заложить...

*Далусов, этот старорезжимный
дворянин, воспитывал Софию, как
и всех общественных девиц.*

Повидимому, узнав именно эту грустную деталь, Чацкий обиженно и заявил: «Сюда я больше не ездок» и стал так настойчиво и громко кричать: «Карету мне, карету!»

Впрочем, все это натуры не загадочные. Их легко разоблачить даже на письменном экзамене. Может быть, кое-какие необъяснимые поступки еще есть, например, у гоголевского Акакия Акакиевича, который умирает несколько странно:

*От испуга Акакий Акакиевич
заболел и совершенно умер.*

Но уже совсем загадочные фигуры — лермонтовский Печорин и тургеневский Рудин.

Внешне как будто бы ничего особенного.

*Рудин — красавец, с голубыми гла-
зами, никаких отклонений ни в
строении тела, ни в черепе, ни в
разговоре.*

Но мало ли, что у человека череп, как это говорится, на уровне. Одним черепом сыт не будешь. Интересно знать, каковы психология и мирозерцание таких героев классической литературы. Оказывается, что и на этот вопрос можно ответить конкретным и простым определением, достойным золота на мраморе:

*Печорин — равнодушный и равно-
сердечный. Он любил многолюбов,
но любовь его была не такова.*

«Здравствуй, племя молодое, незнакомое!» — сказал некогда поэт, приветствуя молодежь. В виде вывода к выше-написанному мы бы охотно видоизменили эти пламенные строки:

«Здравствуй, племя молодое, но тщательно знакомое с историей классической литературы, ее произведениями и героями!»

Далеко не бесполезное знакомство!

Арк. БУХОВ

ПРОДУКЦИЯ ДОКТОРА ЛИБЕРМАНА

На крутом повороте автомобиль опрокинулся, и от сильного удара я потерял сознание. Очнулся уже в больнице. Сестра, накладывая мне на голову бинты, горячо благодарила:

— Ах, больной, как я вам признательна! И как я рада, что вы разбились в мою смену. Теперь я стахановка. Пусть элится Зоя Львовна... Вы не были предусмотрены планом, и я вами перекрыла свою норму...

Забыв о своей боли, я с удивлением слушал сестру.

— Милый, дорогой больной! Как я вам обязана! Будьте спокойны, мы вас вылечим досрочно, по-стахановски. У нас, в больнице Уралмаша, борьба за качество продукции поставлена на большой палец...

Несли меня в палату с головокружительной быстротой. Ничего подобного до сих пор в своей жизни я не видел.

— Маруся! Больной доставлен в 1 минуту 6,5 секунды.

Бригадир подсчитал на счетах:

— Вы установили рекорд переноски... Норма перекрыта на 800%!

Боль в сломанной ноге становилась невыносимой. Хотелось забыться. Мешали. Ежеминутно в палату входили и выходили сестры: одна оправляла постель, другая стирала пыль, третья разносила лекарство, четвертая, пятая... Они шли по графику. И только удалось забыться, как меня разбудили...

— Больной! У нас начались стахановские сутки. Вы примете участие в производственном совещании.

Превозмогая боль, я слушал речь главного врача Либермана.

— Наш график вносит определенный производственный ритм, устраняет простои, делает труд культурным. Да! Подобно тому как график расписания движения поездов должен быть железным законом работы транспорта, наш график должен быть законом больницы, ибо в больнице такой же производственный план, а наши больные есть продукция больницы, и мы должны бороться за качество...

Голос главврача гремел в палате:

— Нужно разбить правооппортунистические «теориейки» о невозможности применить стахановские методы в медицинском труде...

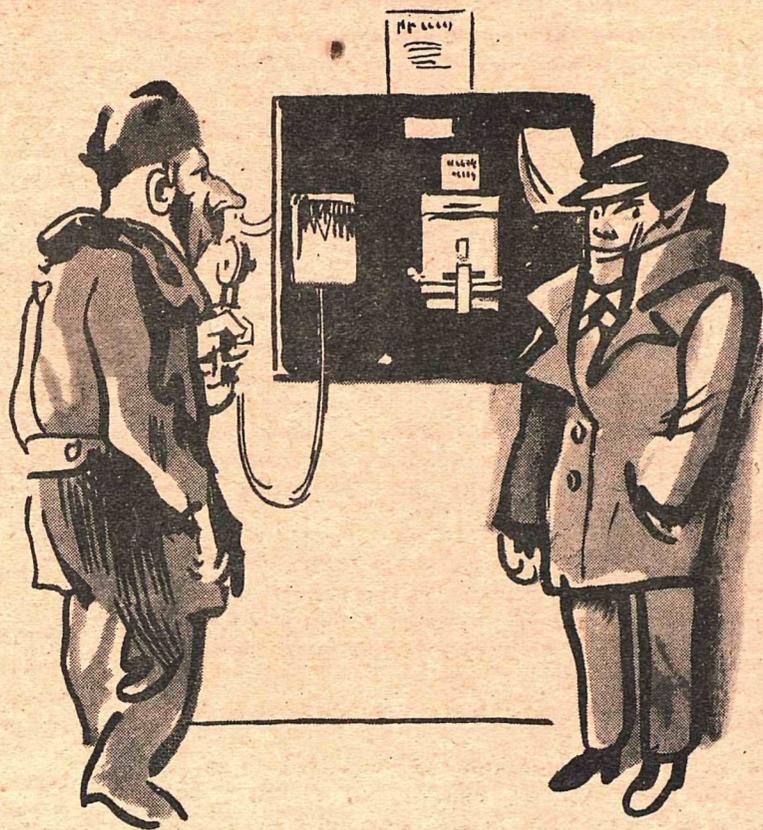
Он имел в виду сестру-хозяйку хирургического отделения, не желавшую подчиняться графику. Торжествуя оглядев всех нас, Либерман закруглил свою речь и закончил ее лозунгом:

— В кратчайшие сроки ликвидировать отставание здравоохранения, подтянуть его до уровня передовых отраслей народного хозяйства!!!

После ухода главврача с больными долго совещалась дежурная сестра. Она хотя и дежурит 12 часов, но ее меди-

НЕУДАЧА

Рис. А. Радакова

— Удивительно, как быстро вы дозвонились. А я шесть минут опустил — и все безрезультатно.

— Неужели шестьдесят копеек истратили?

— Зачем шестьдесят, всего только двенадцать. Я человек осторожный — по две копейки опускал.

цинский труд расписан по минутам, и поэтому просила с ней обращаться по графику, учитывая, что с 8 часов до 8,03 минуты она принимает журнал, порционники и т. д., с 8,03 до 8,05 — принимает шкаф от бригадира, с 8,05 — 8,15 — принимает больных...

Мне стало нехорошо, я забылся и не дослушал графика.

Очнулся от резкого крика сестры у дверей, она прокричала:

— Заказывайте обед... вам супкашкисельдосвидан...

Исчезла. Старые больные пояснили:

— У нее норма, по графику д-ра Либермана, — принимать заказ в 1 ч. 30 м., вчера она поставила рекорд, приняв заказ в 55 минут. Сегодня она улучшает свой рекорд на 5 минут.

Есть супкашкисельдосвидан... мне так и не пришлось. Обед раздали с молниеносной быстротой. Ставились новые рекорды, а я, забитованный, не мог уложиться в график и остался голодным.

Дежурная сестра объявила о рекорде врача Фукса. Он выписку больных, оформление документов, прием больных и прочие административные работы закончил на 30 минут раньше...

Рекорд по носке дров сначала установила Глушкова, обеспечив топливом

6 печей в 35 минут, но ее перебила Власова. Ее рекорд — 6 печей за 25 минут.

Боль в ноге становилась все сильнее. Требовалась перевязка. Я вызвал сестру. Она взглянула в картотеку.

— У нас конвейерная подача больных... Ждите вызова своего номера...

С трепетом душевным я ждал, когда меня будут конвейеровать...

...В палату вошла бригада, предводительствуемая Либерманом. Я узнал Шнейвейса — начальника лечпрофуправления свердловского облздрава, Дехтяря — зав. свердловским горздравом, Суханову — инструктора райкома партии, Мореву — зампреда обкома союза. Они громко восторгались ходом стахановских суток и благодарили Либермана. Узнав о переводе этих суток на непрерывку, я вызвал друзей и умолил увезти меня в другую больницу, где нет графика и конвейера...

Выписывающий врач прощаясь благодарил:

— Ах, больной, как я вам признателен! Как я рад, что вы уезжаете в мою смену. Норму я уже выполнил. Вы дайте мне возможность поставить рекорд. Пусть элится Федот Петрович... Норму перекрыл я!

Свердловск

М. МОЦЕНОК

БРЕДОВЕЛЛА

Начинающий писатель Евтихий Тихий написал рассказ. Рукопись рассказа имела вполне приличный вид, при переписке были оставлены широкие поля, для того чтобы рука редактора могла начертать необходимые и глубокомысленные пометки.

В общем переписанная набело рукопись имела такой вид:

НОЧЬ НА ПОТЫЛИХЕ

Новелла

Широко раскинулось село Потылиха прежнего Н-ского уезда, Н-ской губернии. По косогорам, по буеракам разбросались хаты местных хлеборобов, издавна занимавшихся хлебопашеством, а по весне уходивших в близлежащий город на строительные работы. Село Потылиха издавна славилось искусными столярами, и потому не было им отказу у местных подрядчиков и издавна считалась Потылиха зажиточным, если не богатым селом.

Местность вокруг Потылихи была живописная. Широкая, полноводная река, старый заказной лес, холмистая равнина — все это радовало сердце населения. Но не до того было становому приставу Антиоху Фемидычу Феофилактову.

Близилась революция...

И так далее, в этом роде развивался полноводный рассказ Евтихия Тихого. В конце рассказа читатель с замиранием сердца узнавал, что родная дочь Антиоха Фемидыча подпадала под влияние вернувшегося с фронта ефрейтора Степы Ивушкина и, отвергнутая им, сразмаху кидалась в полноводную и широкую реку. Было это в ту самую ночь, когда пустили красного петуха в дом местной помещице, вдове генерала от инфантерии Елисавете Иаковлевне Пустырской.

Рассказ — как рассказ. С этим рассказом молодой писатель Евтихий Тихий пришел в редакцию одного толстого журнала. Журнал назывался «Красный мир», и редакционная коллегия журнала состояла из сорока писателей с именами и десяти критиков. Но принял начинающего писателя молодой человек в роговых очках. Фамилия его была Шнур. Сколько ни напрягал ум молодой писатель, он не мог припомнить ни одного полноценного произведения, подписанного этой зловещей фамилией.

— Вот что, — сказал человек по имени Шнур, — я не вдаюсь в идейную сторону вашего рассказа — для этого у нас имеются другие компетентные товарищи, — но, как бы вам сказать, дорогой коллега... Простовато как-то, плоскогато и далеко не то... Почему вы не мыслите сравнениями и метафорами, почему вы не кудрявите слова, не взвихриваете их, не рыхлите, не разбрызгиваете... Сломайте сюжет, поставьте на голову, раскромсайте. Ведь то же самое можно изложить эдакими Ниагарами и гейзерами. Понятно?

— Понятно, — скромно сказал Ти

Шутка А. Радакова

Рыбе тщеславие.

хий, взял рукопись и ушел. И три дня спустя он положил перед Шнуром рукопись. Теперь она называлась:

ВЗНОЧЬ АНТИОХА

Ередовелла

Похожее на краба, а может быть, на каракульчу кудрявилось. Село ли, уезд русской губернии, косогорной, буерачной, хлеборобной, звалось Потылиха. Лиха, ха-ха! По весне уходили, весне, похсжей на свадьбу с бубенцами, похожими на трель колибри. Столярили, стол ярили, ярили стол, сезонили. Потылиха — пот и лихо.

Река, похожая на качучу, а быть может, на карамель. Местность имеет лесов и холмов. Имела местность. Того ли занадобно, то ли бредилось приставу стана Антиоху Триандофилову Фемидову, похожему на татарскую степь.

Дочка, дочурка, чурка румбилась, поегозывая сморозу, похожая на церковь и на мыльную снесь. Степочка! Степанид!

Близилась революция!!! Революция, похожая на...

— Замечательно! — задыхаясь сказал Шнур. — Замечательно! Пусть не по-русски, наплевать, но какой синтаксис, а?! А это: «поегозывая сморозу»?! А сравнения?! Нет, дорогой мой, мы еще поговорим об этом. Мы об этом поспорим. А размышления едва зачатого младенца в чреве дочери станового?! А бред Антиоха, которому снится голубой таракан?! Подумайте: голубой, не какой-нибудь! И как это перекликается с синей сыпью на ночном небе! Подлинная бредовелла. Нет, вы гений! Откуда это у вас? Сейчас позволю Ромашкину в Переиздат. Договор, массовый тираж, тысячу полтора за лист, сам пишу предисловие. До завтра золото мое! До завтра!

Не будем описывать этот день и ночь Евтихия Тихого. И как он шел домой, и как шел из дому в редакцию, и как стучался в дверь кабинета, где вчера его прославлял умный Шнур.

Впрочем, он вошел не стучась и, остановившись на пороге, с некоторым удивлением увидел за столом человека, совсем не похожего по наружности на умного Шнура.

— Я автор, — несколько свысока сказал Тихий. — Я автор рассказа «Взночь Антиоха». Меня зовут Тихий, Евтихий Тихий.

Незнакомый человек повернулся и вытащил из груди рукописей знакомую рукопись. На полях красным карандашом было надписано одно слово. Впрочем, его не успел разглядеть Тихий.

— Не пойдет, — холодно сказал незнакомый человек.

— Тут еще есть мое, — признался Евтихий Тихий, — «Ночь на Потылихе» называется.

— И это не пойдет. Не так надо писать.

В эту минуту зазвонил телефон. Обиженный Евтихий вышел. На улице он прочитал слово, написанное на полях рукописи: «Взночь Антиоха». Слово это было «сумбур».

Л. НИКУЛИМ

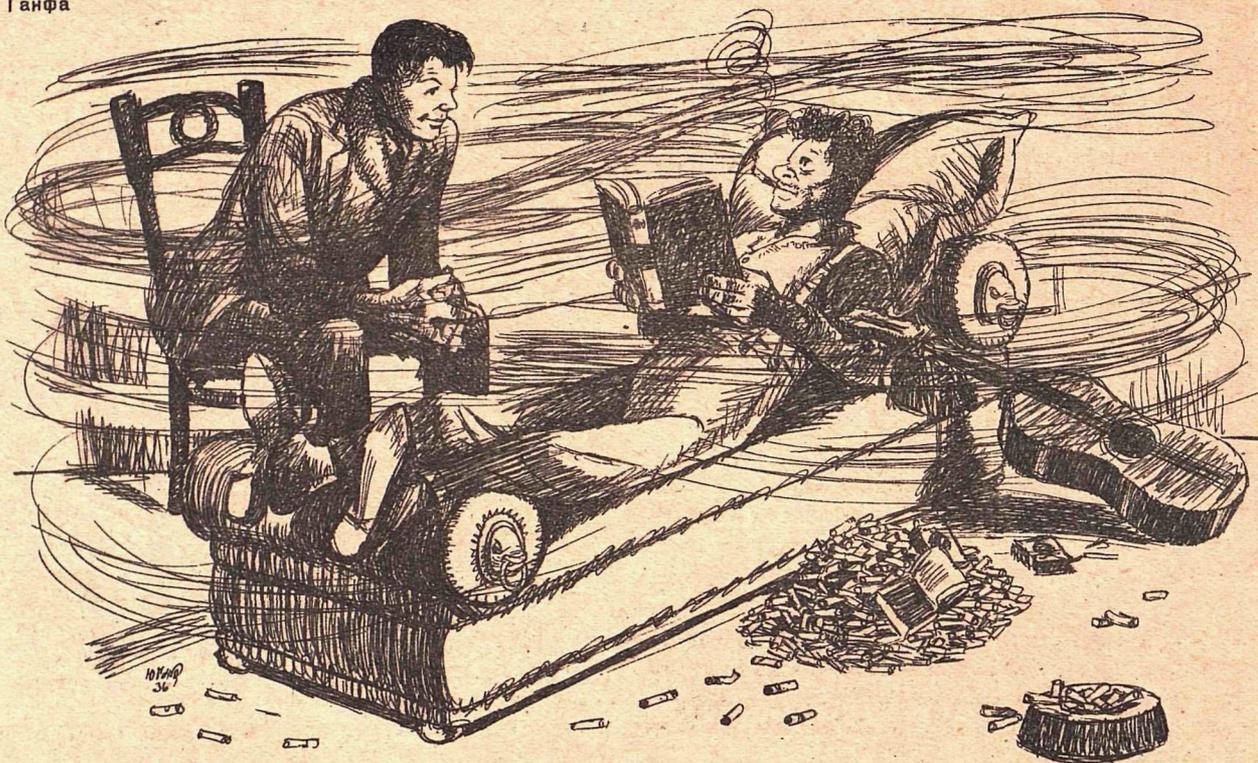
МОДНЫЙ КОНЦЕРТ

— Как по-твоему, оркестр еще настраивается или уже играет?
— А кто его знает! Наверное играет, раз дирижер палочкой машет.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЯЗЫК

Рис. Ю. Ганфа

СНАЙПЕР: — Имей в виду: если ты будешь так много курить, ты проживешь не больше пятидесяти лет из восьмидесяти возможных...

ПРИЧУДЫ ПРОФИЛЯ

Лет пять назад мне привелось проводить летний отдых в маленьком городке на берегу Оки. В комнате, которую я снял у владелицы трехэтажного небоскреба, висели рисунки, наивные, но не лишённые приятности. Впрочем, заглянув в комнаты хозяйки, я убедился, что такие же картинки украшали решительно весь домик.

— Откуда у вас эта?.. — спросил я.

Хозяйка самоудовольно сложила руки на груди и не торопясь ответила:

— А это Костя рисует. Сынок мой... Костенька, выйди сюда на минутку...

Послышались шорохи, шуршания и в комнату вошел юноша лет семнадцати с застенчивым большеротым и некрасивым лицом. Юноша был очень симпатичен на вид и благодаря нежному румянцу чуть-чуть походил на девушку, но у него были серые наблюдательные глаза художника и огромные кисти рук.

Костя очень любил рисовать и собирался в Москву — учиться этому искусству.

И действительно, через полгода я встретил сына моей дачной хозяйки в столице. Костя плелся по бульвару с огромной папкой подмышкой. Говорить с ним мне было не о чем, поэтому я принял очень удобный в этих случаях банальный тон:

— Ну как, молодой человек, учитесь?

— Да, — скромно ответил Костя, — поступил в художественный техникум...

— Ну, дай вам бог... Дело хорошее. Будете писать вашей матушке — передайте от меня привет...

За пять лет мы встретились раза четыре и сказали друг другу, вероятно, по три фразы.

А тут недавно я зашел с приятелем вечером в кафе. Все столики были заняты, и за ближайшим из них сидел в оди-

ночестве он, сын дачной хозяйки, Костя. Мы повдоровались, и я попросил разрешения присесть.

— Познакомьтесь, — сказал я приятелю, — это, так сказать, молодые кадры — художник Пастев...

— Ветеринар, — мягко поправил меня Костя.

— Кто ветеринар? — разинув рот, спросил я.

— Я. Пастев. Ветеринарный врач с уклоном в верблюдов.

— Позвольте! Вы же ведь рисовали... еще у матушки вашей все комнаты в картинках... (Костя кивнул утвердительно головой.) Потом вы мне, помнится, говорили, что поступили в художественный техникум. (Костя кивнул опять.) Как же так вдруг... ветеринар?

— А это результат изменения профиля.

Я наклонился и поглядел на Костю со стороны правого уха.

— Нет, не мой профиль изменился, — улыбаясь сказал Костя, — а в техникуме.

— Ничего не понимаю! Объясните, пожалуйста.

— Что ж тут объяснять? Поступил я в художественный техникум. Через полгода прислали к нам нового заведующего учебной частью. Это был типичный реорганизатор. Просто жить не мог человек без того, чтобы не ломать чего-нибудь. Ну, сейчас же заявил: необходимо изменить профиль будущего специалиста, которого мы готовим. В наше время чистый художник — это не звучит. Необходимо ввести в программу технические дисциплины. Ну, ввели черчение, сопротивление материалов, механику... Следующий прием уже производили по принципу, так сказать, полунженеров. А тут этого завуча сняли. Назначили нового. Новый не сработался с директором. Переменили и директора. Новые решили, что останавливаться на полпути не годится. Раз технический уклон — то уж всюю!.. Отменили этюды, ма-

сло, пастель, еще кое-что. Доввели высшую математику, химию, физику... Тогда Наркомпрос говорит: раз это такой технический техникум, то мы здесь не при чем. Надо его передать в какой-нибудь промышленный наркомат. Стали ездить по наркоматам, предлагать: не возьмете ли техникум? Никто не берет. А Наркомпрос совсем отказывается. Как тут быть? Вдруг кто-то придумал смотаться в Наркомздрав. А у нас; надо сказать, в программе от старого — художественного — профиля осталась анатомия. Ну, Наркомздрав зацепился за эту анатомию, взял. Прибавили фармакологию, хирургию. Выбросили рисование, сопротивление материалов. Получился новый профиль, медико-технический. Тут назначили нового директора. Он осмотрелся, решил реорганизовывать. А в это время как раз в прессе занялись вопросами животноводства. Директор говорит: в помощь этому плану давайте сделаем ветеринарный уклон. Так вот и вышел из меня ветеринар...

— Скажите! — только и мог я произнести в ответ на этот рассказ. — Ну, мы пошли... А вы остаетесь?

— Да, — отозвался Костя, — жду одного товарища...

— Тоже ветеринара?

— Нет, он окончил наш техникум на полтора года раньше меня, так он, скорее, техник-конструктор. Но умеет рисовать.

— Ай-яй-яй!.. Ну а сейчас в этом техникуме профиль установился?

— Нет. Кажется, вводят уклон в рыбоводство. Дело в том, что Наркомздрав уже сбаврил техникум Наркомзему, а Наркомзем думает подsunуть его Пищепрому и потому закидывает удочку на эту рыбку... Всего хорошего! Очень приятно было встретиться...

В. АРДОВ

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Рука Вари Скокиной лежала на столике. Маникюрша трудилась над ногтями.

— Вы только мне такой лак поставьте, — предупредила Варя Скокина, — чтоб он всем в глаза бросался. А то сделают лак не лак. Белее губ.

— Покажите-ка вашу ладонь, — сказала маникюрша.

— А зачем? — Варя Скокина сжала руку в кулак.

— Покажите. Я вам погадаю.

— Нет, верно? Вот это да! Мне на Сеньку Хлебанова погадайте. Она показала ладонь. Ладонь была грязная.

— Как вам не стыдно! — сказала маникюрша.

— Ну, это вас некасаемо, — строго сказала Варя Скокина и посмотрела на ногти.

ДИКТАНТ

Учитель родного языка сказал завучу:

— Я хочу сегодня своим ребятам усложненный диктант сделать. Я уверен в них. Буду диктовать, как, знаете, прежде диктовали...

Учитель раскрыл книгу:

— «Дажи в те часы, кагда совершенно патухает питербургское серое неба...»

— Вот что, дорогой, — забеспокоился завуч, — хотя вы и уверены в ребятах, но все-таки отложите на следующий раз. Этот диктант пойдет в райОНО. Так что не мудрите. Где надо окать, — окайте, где надо акать, — акайте. Где запятая, — гхмыкните, где точка, — паузу сделайте.

— Ну, раз в райОНО, так ясно. Постараюсь.

Он диктовал возможно четче, гхмыкал на запятых, окал, акал. А ребята писали:

«Дажи в те часы, кагда совершенно патухает питербургское серое неба...»

В. ТОБОЛЯКОВ

ПУТИ РАЗВЛЕЧЕНИЙ

Рис. А. Топикова

— Пойдем в профсоюзный клуб, что ли.
— Зачем? Там же ничего нет.
— Все равно. Хоть домой оттуда пойдем.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

— Плохо твое дело, Бобка,— сказал Сережа, укладываясь спать накануне дня своего рождения.— Рождения у тебя нет, пирог тебе печь не будут, и гости к тебе не придут...

Белый пицц ласково ткнул голую сережину ногу мокрым, блестящим носом. Сережа похлопал его по лохматой шкурке:

— Ничего, Бобик, не огорчайся. Пирогом-то уж я тебя завтра угощу,— и, зажмурив глаза, он повернулся к стене, чтобы скорее уснуть.

Громко хлопнула кухонная дверь, и мамин голос раздраженно произнес:

— Не могу я разорваться! И по магазинам... и здесь ничего не делается...

Сережа проснулся и сразу вспомнил, что сегодня ему исполнилось десять лет. Он тихонько засмеялся от радости и залез с головой под одеяло, в тепло и темноту.

— Сереженька, детка, проснись, голубчик! — наклонилась над ним мать.— Нынче день твоего рождения, поздравляю тебя, дорогой!

И когда Сережа высунул на свет разлохмаченную голову, она деловито сказала:

— Уж ты извини меня, что рано бужу, но, сам знаешь, гости будут. Я с раннего утра в кухне верчусь, а уже в магазины за тем за другим — прямо некогда. Встань, сбегай, голубчик! — и, видя поспучневшее сережину лицо, добавила:

— Все ведь это, милый, для тебя делается.

Когда Сережа принес молоко и яйца, его послали за яблоками, потом — за сахаром.

— Мне уроки повторить надо,— уныло сказал он, предвидя, что яблоками и сахаром дело не кончится.

— Ах боже мой! Как будто я все это для себя делаю,— вскипела мать, у которой что-то булькало и пригорало в большой синей кастрюле.— Люди придут, скажут: единственного сына рождение и то справиться не могли как следует! А ему все равно. Бесчувственный какой-то! — и тут же отправила Сережу за колбасой.

Уходя в школу, Сережа предупредил:

— Я вернусь поздно: после школы у меня сегодня музыка.

— И слава богу! — сказала домашняя работница Груша. — По крайности, под ногами вертеться не будешь.

Вернувшись, Сережа долго звонил на темном крыльце. За дверью слышен был смех и музыка.

«Гости,— подумал Сережа,— патефон».

Наконец, ему открыла Груша.

— Только и делов,— проворчала она,— отвори да затвори да тобой. Там сейчас радио закрутят, а тут...

За столом сидело много народу, все папины и мамнины знакомые. Они стучали посудой, пили, ели и с полным ртом говорили все враз.

— А-а! Именинник! — закричал, заметив Сережу, Семен Иванович, папин сослуживец, про которого папа недавно говорил, что Семен Иванович — клузник и подхалим.

Его соседка удивленно подняла подбритую в ниточку бровь:

— Как? Разве это маленький именинник? А я думала — сам хозяин!

Сереже стало неловко. Во-первых, никакой он не именинник, а во-все его рождение, а потом даже доктор сказал, что он «большой не по годам». Маленький!

Он тихонько пробрался к матери на конец стола и, примостившись на ее стуле, шепнул ей на ухо:

— Мам, я есть хочу.

— Сейчас, Сереженька,— понимающе кивнула она головой.— Вот килечку скушай и виногрета.

— Я пирога хочу.

Мать окинула взглядом стол:

— Погоди, Сереженька, пирога мало осталось, а некоторые еще не брали.

Сережа вздохнул и стал ковырять вилкой в виногрете.

— Ведь он у вас, кажется, музыкант,— снисходительно обратилась к матери незнакомая Сереже полная дама, похожая на белого медведя.

— Своего как-то неловко хвалить,— расцвела мать.

— Чего там неловко,— перебил с другого конца стола отец.— Нето, что музыкант, а прямо — юное дарование. Так и учитель сказал: вундеркинд. Будущий, конечно. Шуберта играет и этого... как его...

— Просим, просим! — закричали гости.

Сережа вяло сел за рояль и, подумав, заиграл.

Все на минуту смолкли.

— Люблю музыку,— сказала, громко жуя яблоко, дама, похожая на белого медведя.— Она дает такое настроение!

— А по мне,— махнул рукой Семен Иванович,— такой музыки хоть бы

и не было. Панихида! — гости засмеялись.— Вот я понимаю музыка: мимо бара какого-нибудь идешь — та-та-та-ти-та-та... ноги сами танцуют. Зажигательно! А это что ж?

— Сереженька, а ну-ка фокстротец! — весело подмигнул папа.

— Нас этому не учили,— сказал Сережа и виновато добавил.— Разве по нотам?

Ноты достали, и Сережа стал играть.

— Вот это я понимаю! — зааплодировал Семен Иванович и, схватив за спину свою соседку, уткнулся ей в плечо и засеменял ногами.

Все оживились. Танцевали долго. Потом заставили Сережу играть вальс. Потом опять пили, встретив овацней появившиеся откуда-то полные бутылки. Наконец, кто-то взглянул на часы. Все захохотало и, суетливо толкаясь, смеясь и крича, пошло в прихожую.

Оставшись один, Сережа оглядел развалины ужина: на скатерти валялись об'едки пирога, окурки торчали из консервных коробок, лежали мокрые во всех тарелках. На уцелевшем куске торта красовалась, широко раскрыв рот, голова селедки.

Под столом кто-то завозился. Сережа заглянул туда: Бобик, зажмурив от удовольствия глаза, об'едал большой кусок пирога, кем-то уроненный с тарелки.

— Небось, не поделишься,— сказал Сережа.— Я с тобой вчера и то обещал поделиться.

Пицц покосился на Сережу и продолжал есть, прижав кусок лапой.

— Ишь, жадный! — укоризненно произнес Сережа и, полусонный, залез на диван.

— Счастливым ты, Бобка: рождения у тебя нет, пирог ешь... гости к тебе не ходят... — и, обиженно вздохнув, опустил на подушку сонную голову.

В прихожей захлопнулась дверь за последними крикливыми гостями.

— Ну слава богу! — сказала мат., входя в комнату.— Рождение справили не хуже чем у людей. Кажется, все довольны.

В. КАРБОВСКАЯ

ДОКУМЕНТЫ БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

ШТРАФ НАК БАЗА,

или искусство составлять крепкий бюджет.

Приказ уполномоченного Госавтоинспекции по Севкраю ВЛАСОВА:

В связи с тем, что НКФ СССР средств на расходы по содержанию Госавтоинспекции из Госбюджета на 1-й квартал не отпущено, предлагаем УСИЛИТЬ СВОР СРЕДСТВ НА МЕСТЕ за счет усиления штрафной политики, за неправильную эксплуатацию транспорта, не-обеспеченность машин гаражами, за технический осмотр машин по выезде из ремонта и проч.

Расходы в пределах отпущенной Вам сметы на хозяйственные расходы, кроме зарплаты, можете производить из собранных средств, показывая в авансовых отчетах ежемесячно.

Уполномоченный Госавтоинспекции по Севкраю при ЦДТ НКВД ВЛАСОВ.

НА РАВНОМ ОСНОВАНИИ

Об'явление домоуправления д. № 7/9 по Волкову пер. в Москве.

ОБ'ЯВЛЕНИЕ.

НЕОБХОДИМО ЛИЦАМ ПРОЖИВАЮЩИМ ПО ВОЛКОВУ ПЕР. И М. ГРУЗИНСКАЯ Д. 6 КОТОРЫЕ ИМЕЮТ СОБАК, АВТОМОБИЛЬ, ВЕЛОСИПЕД И ВРЕМ. ЖИЛЬЦОВ ЯВИТЬСЯ В ДОМОУПРАВЛЕНИЕ НА РЕГИСТРАЦИЮ. ЗА НЕЯВКУ БУДЕТ НАЛОЖЕНО АДМ. ВЗЫСКАНИЕ В СУММЕ 100 РУБЛЕЙ.

ДОМОУПРАВЛЕНИЕ.

ЛОШАДЬ В БАНЕ

Оказывается, что и в несложной технике шкуроснимания можно все-таки сказать какое-то новое слово.

В мясосовхозе Кайманачиха (Вост.-Казахстанская область) на одной из ферм пала лошадь. Пока этот грустный факт обсуждался со всех точек зрения руководителями фермы, лошадь пролежала три дня на снегу и превратилась в ледяшку.

Шкуру снять с нее оказалось невозможным.

Но руководители все же вышли из положения. И не при помощи каких-нибудь сложных, еще неведомых миру, инструментов, а при помощи обыкновенной бани, предназначенной для мытья совхозников.

Лошадь втащили в баню и стали ее парить. Через несколько часов лошадь действительно так распарилась, что с нее уже легко было тут же снять шкуру.

После этого баню снова гостеприимно открыли для совхозников.

Рис. Л. Генча

„...А девушке в осьмнадцать лет кака́я шапка не пристала...“

(А. С. Пушкин, „Руслан и Людмила“)

Дорогой КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ.

Разрешите на твоих уважаемых страницах поблагодарить дирекцию нашего совхоза «Переможец» за премирование нас путевками в Ореховский дом отдыха Днепропетровского зернотреста. Мы потратили на поездку в Орехов по трое суток и по шестьдесят рублей на человека и вернулись назад не солоно хлебавши, потому что дом отдыха оказался закрытым на ремонт. Почему дирек-

ция совхоза нашла необходимым наградить нас за ударную работу десятиминутным свиданием с ореховскими малярами, — мы не знаем, но как люди вежливые выражаем ей через «Крокодил» свою пламенную благодарность.

Ударники совхоза «Переможец»: ТКАЧЕНКО, КОЛЬЦОВ, ШТАНЬКО, ГОЛОВКОВА, БОРИСЕНКО, ПЛЕХОВА, СУХАЧ

ст. Акимовка

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Сотрудница Гайворонского отделения Госбанка Волошинская живет в близком соседстве с главбухом Госбанка Золотаревским. Рано по утрам предрезкий и невоспитанный петух Волошинской до того надоел главбуху своим «кукареку», что взбешенный главбух уволил Волошинскую с работы.

Здесь, конечно, виноват не только петух: виновата и сама Волошинская: оче-

видно, она недостаточно энергично убеждала петуха проникнуться уважением к ее начальнику и петь свои нехитрые песни попозже. А на ее беду петух оказался неподкупной честности и прямоты: он не отступился от своих идей и иначе не кричит, как только по графику.

О. ГАЙВОРОНСКАЯ

Одесская область,
ст. Гайворонская

НОВЫЙ ЗАРАБОТОК

Рис. М. Храпковского

— Ты кто такая?
— Я, милый, сказительница. Как теперь сказки для детей достать трудно, меня надом люди добрые и приглашают.

ИСКУССТВО КОММЕНТАРИЯ

Директор Южновского льнозавода (БССР) снял с работы технорука Смирнова за пьянство во время работы, половую распущенность и организацию пьянки с руководителями смен.

Завком решил пересмотреть это постановление и вынес следующее постановление:

«Вынести комментарии по приказу об увольнении Смирнова следующие:
По § 1. Вместо «систематической пьянки во время работы» записать: «появление т. Смирнова в выпившем виде».
По § 2. Вместо «половой распущенности» записать: «за интимную связь т. Смирнова с распущенной посторонней женщиной».
По § 3. Вместо «за организацию пьянки» записать: «за участие в пьянке».

Так иногда деликатная товарищеская помощь трудящемуся сразу восстанавливает попорченную репутацию и вместо отрицательных черт снабжает его только привлекательными.

СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЙ ОПУС

Не всякая сопроводительная справка может внушить бодрость, жизнерадостность и уверенность в теплом приеме тому, кому она выдана.

В качестве примера приводим такую сопроводительную бумажку, выданную Волжской артелью инвалидов (ст. Волга, Окт. ж. д.):

«Волжская Артель инвалидов направляет на ветеринарный осмотр следующих гг.

ОЗЕРОВ Ф. И.,
БОГИСОВ В. Н.
Могут ли данные мастера работать в кузнечном цехе.
Предприятия (подпись)».

Именно, как это говорится:

— Выдь на ст. Волга, Окт. ж. д. — чей стон раздается?

А стон ясно чей: инвалидов, которых отправляют на ветеринарный осмотр.

ФАБРИКА ВУНДЕРКИНДОВ

Мы, конечно, приветствуем вундеркиндов — и даже в любом количестве. Но мы против механического производства их пачками.

Владимирская школа ФЗУ фабрики «Автоприбор», повидимому, несколько иного мнения по этому вопросу и поэтому поместила в «Рабочем крае» следующее объявление о приеме в школу:

«В школу принимаются лица с образованием не ниже семилетки в возрасте от 1 до 9 лет».

Недостает еще добавления:

— Учащихся приносить и сдавать в канцелярию.

И очень жаль: по крайней мере, в канцелярии появились бы более толковые головы чем те, которые выдумали и напечатали такое объявление.

ПОДАРОК ДЕТЯМ

Приятно старательному ученику, заполнив тетрадь задачами или сочинениями, посмотреть, а что напечатано на тетрадной обложке. А на некоторых тетрадях, выпускаемых 23-й типографией «Мосполиграф», напечатано вот что:

крепость 40°

емкость 0,5 л.

ПШЕНИЧНАЯ
ВОДКА

ЦЕНА ВОДКИ 300
ПОСУДА 50
ПРОБКИ 50

ВОЗВРАЩАЙТЕ ПОСУДУ ПРОБКУ

Мы, конечно, не против развития рекламы. Но за подходящее место для нее. И полагаем, что подрастающее поколение не так уж заинтересовано в познании крепости пшеничной водки и нуждается в несколько иных лозунгах чем буйные призывы к возвращению винной посуды и пробки.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ

РЕДАКЦИЯ ПРОСИТ ТОВАРИЩЕЙ, НАПРАВЛЯЮЩИХ В КРОКОДИЛ ИНТЕРЕСНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ПЕЧАТИ, ЗАВЕРЯТЬ ЭТИ ДОКУМЕНТЫ. В ПРОТИВНОМ СЛУЧАЕ РЕДАКЦИЯ НЕ СМОЖЕТ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДАЖЕ САМЫЙ ИНТЕРЕСНЫЙ МАТЕРИАЛ.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ЛАГИН, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ

Рукописи не возвращаются

Адрес ред.: Москва, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-05-46; Д 3-05-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журн. — 1 р. 20 к. в мес. Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“.

Москва. Изд. № 268.

Сдача текста и рисунков 23/II—36 г.

Подп. к печ. 4/III—36 г.

Статформат 72×108. 1/8 печ. л.

Печ. л. 3. Кол. зн. в 1 печ. л. 120 000

Уполномоч. Главлига Б—19212.

Типография газ. „Правда“ им. Сталина. Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 420.

Тираж 266 000

19 МАР 1936

50

ЭКЗОТИЧЕСКИЙ РЕГЛАМЕНТ

(В одном, а вернее не в одном южно-американском парламенте)

Рис. Ю. Ганфа

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: — Ваше время кончилось, синьор!... Следующий!..

Ю. Ганфа '36